

УТВЕРЖДАЮ

И. о. проректора по научной и инновационной
деятельности Национального исследовательского
Гомского государственного университета,
доктор физико-математических наук, профессор

Ворожцов Александр Борисович

« 21 » января 2025 года

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
на диссертацию Морозовой Ольги Сергеевны
«Оптимизация состава и процессуального положения участников
уголовного досудебного производства», представленную на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки). Омск – 2024

Актуальность темы диссертационного исследования. Одной из первостепенных задач современного отечественного уголовного процесса выступает обеспечение и реализация прав всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Для этого в первую очередь необходимо четко, последовательно и адекватно (с учетом баланса различных интересов) определить их процессуальный статус. Ситуация, когда лицо помимо его воли вовлекается или на законных основаниях вступает в уголовное судопроизводство и при этом объем его прав не определен, корреспондирующие им обязанности не установлены, совершенно недопустима с точки зрения необходимости реализации назначения уголовного процесса.

Оптимальность досудебного производства, способность его реализовывать стоящие перед ним задачи напрямую зависит от адекватности определения процессуального положения участников, ведущих уголовный процесс. Таким образом, четкое определение процессуального положения всех участников досудебного производства необходимо для обеспечения эффективности не только его самого, но и уголовного процесса в целом.

В этой связи следует констатировать, что данное исследование обладает **актуальностью** и **научной новизной**, поскольку его **целью** является разработка научно-обоснованных положений об оптимизации состава

участников уголовного досудебного производства, а также формулирование на их основе точечных предложений по совершенствованию современного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальный статус участников уголовного досудебного производства.

В работе достаточно определенно сформулированы **объект и предмет** диссертационного исследования, выделены и конкретизированы **задачи**, направленные на достижение поставленной цели.

Положительной оценки заслуживает **теоретическая и нормативно-правовая база исследования**. В частности, теоретическая база исследования включает в себя большое количество работ, отражающих различные аспекты избранной автором сферы исследования. Несомненным достоинством диссертационного исследования О. С. Морозовой является то, что нормативную базу исследования составили не только нормативные акты Российской Федерации, но и уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, а также ряда других стран постсоветского пространства.

Эмпирическая база исследования представляется в целом достаточной для целей исследования, предпринятого автором. Автором произведено выборочное обобщение и изучение 125 архивных и находящихся в производстве у следователей Следственного комитета РФ уголовных дел и 211 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела на территории Алтайского края и Омской области, г. Москвы. Автором проведено анкетирование 32 судей, 54 работников прокуратуры, а также 173 следователей и руководителей следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации в Алтайском крае, Московской, Омской и Новосибирской областях. При подготовке диссертации использовались результаты эмпирических исследований, полученных другими авторами по проблемам, имеющим отношение к теме исследования.

Цель и задачи исследования, его репрезентативная **теоретическая и эмпирическая база, методы и методология исследования** свидетельствуют о серьезном научном подходе, обеспечивают **обоснованность и достоверность**

сформулированных автором диссертационного исследования научных положений, выводов и рекомендаций.

Положения, выносимые на защиту, отражают **новизну, целостность и концептуальность** диссертационного исследования О. С. Морозовой.

Ряд выводов, обоснований и предложений автора содержат качество научной новизны и заслуживают поддержки.

Так, например, представляет интерес произведенный автором анализ различных классификаций участников уголовного судопроизводства, использованных в них критериев, а также критика избранного российским законодателем подхода к классификации участников в зависимости от «принадлежности» их к одной из сторон. Действительно, такой подход не учитывает реальную направленность деятельности субъектов, возможности выполнения ими деятельности, которая может быть отнесена к различным процессуальным функциям. Как верно замечает автор, следователь при установлении обстоятельств совершенного преступления может реализовывать функцию защиты в отношении конкретного лица; защитник может собирать информацию обвинительного характера; потерпевший – ходатайствовать о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям и т. д. Заслуживает внимания и предложенный автором подход к классификации субъектов уголовного судопроизводства, опирающийся на определение сущности и функционального назначения процессуального статуса субъекта.

Несомненным достоинством работы является то, что автор, пожалуй впервые в отечественной процессуальной науке, на основе результатов произведенного им анализа текста УПК РФ, привел в работе максимально широкий и полный перечень участников уголовного судопроизводства, не упомянутых в разделе II УПК РФ (см. с. 166–169 работы).

Видится перспективным обоснование автором мысли о том, что правовое регулирование положения части из не упомянутых в разделе II УПК РФ участников уголовного судопроизводства может производиться за счет формирования для них универсального правового статуса, содержащего перечень прав, общих для нескольких участников, близких по своей роли,

функциональному характеру участия и законным интересам, которые они могут реализовывать в ходе уголовного судопроизводства (а также корреспондирующих этим правам обязанностям и ответственности за их неисполнение).

Нельзя не согласиться с автором также и тогда, когда он, рассматривая формы предварительного расследования и участвующих в них субъектов, доказывает, что дознание из ускоренного и упрощенного производства как самостоятельной альтернативы предварительному следствию постепенно переродилось в ординарное производство, практически не отличающееся от предварительного расследования. Между тем, действительно, дифференциация форм досудебного производства имеет место лишь тогда, когда есть существенные особенности этих форм, т. е. качественные различия в организации и порядке уголовно-процессуальной деятельности (с. 102–106 работы).

В этой связи представляется возможным согласиться с автором в том, что в рамках процесса дифференциации форм уголовного досудебного производства, существующие предварительное следствие и дознание могут быть объединены с формированием единого порядка предварительного следствия, классифицированного по критериям тяжести обвинения и с учетом криминалистической характеристики отдельных видов преступлений.

Важными для науки и практики уголовного процесса представляются нам результаты изучения автором материалов уголовных дел в части определения форм, в которой может выражаться на практике направленная против конкретного лица обвинительная деятельность. Представляются особо существенными и даже шокирующими приведенные автором сведения о том, что в 9 % изученных дел обвинительная деятельность проявлялась путем удержания лица официальными властями (не являющимся уголовно-процессуальным задержанием), а в 51 % изученных дел – «содержанием в изоляции» (что бы автор ни понимал под данным явлением) (с. 125 работы и приложение 4). Представляется, что данные результаты требуют производства дополнительных, более широких исследований. В этой связи представляется

прискорбным крайне скудное описание автором исследовательского аппарата, вследствие чего является непонятным, какие категории дел им были изучены, как автор выявлял факты «удержания лица официальными властями» и «содержания его в изоляции», с тем, чтобы другие исследователи могли продолжить данное исследование.

Следует согласиться с аргументами автора о том, что в связи с особой ролью в уголовно-процессуальной деятельности такого субъекта, как «заявитель», следует наделить его индивидуальным процессуальным статусом, для чего ввести в УПК РФ ст. 56.2 «Заявитель». Возможно разделить предложения автора относительно конкретного содержания прав заявителя, в соответствии с которыми заявитель должен быть наделен возможностями: знать о принятом в результате рассмотрения сообщения о преступлении решении; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении при отказе в возбуждении уголовного дела; пользоваться помощью адвоката.

В диссертационном исследовании содержатся и другие выводы и предложения, отличающиеся **актуальностью, новизной и теоретической и практической значимостью.**

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития науки уголовного процесса предопределяется актуальностью темы исследования, новизной полученных результатов. Кроме того, результаты проведенного автором изучения практики вызывают исследовательский интерес, они могут быть использованы другими учеными для сопоставления с их собственными данными, проведения дополнительных исследований аналогичной направленности, дополнительной интерпретации полученных автором данных анкетирования.

Основные выводы и положения диссертационного исследования отражены в 26 научных статьях общим объемом 7,8 п. л., в том числе в 6 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Положения и рекомендации, изложенные в диссертации, докладывались и обсуждались на 30 научно-практических конференциях и круглых столах, в том числе международного и всероссийского уровня. Методические рекомендации, подготовленные в результате исследования, внедрены в учебный процесс Сибирского юридического университета и Барнаульского юридического института МВД России и используются для преподавания дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» и «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Результаты исследования внедрены в практическую деятельность Главного Следственного управления Главного управления МВД России по Алтайскому краю, Следственного управления Следственного комитета по Омской области и прокуратуры Омской области.

Положительно оценивая диссертационное исследование О. С. Морозовой, необходимо отметить, что, рассматриваемая диссертация не свободна от некоторых недостатков. В их числе можно привести следующие.

1. В данном отзыве уже упомянуто, что очень интересные результаты изучения автором материалов уголовных дел, к сожалению, приведены в работе в сопровождении крайне скудного описания исследовательского аппарата, использованного автором. Кроме того, описание результатов произведенных исследований (приложение 4) также имеет крайне неопределенный вид. Из приведенной автором таблицы можно предположить, что часть ее строк отражают результаты изученных уголовных дел, а часть – результаты изучения отказных материалов (это можно высчитать из анализа соотношения количественных и процентных показателей в отдельных строках). Прямо это

нигде не оговаривается, причины использования такого подхода не ясны и не прокомментированы в работе.

Говоря об эмпирической базе исследования нельзя не отметить и то обстоятельство, что результаты произведенного автором анкетирования судей, прокуроров и следователей приводятся в работе, зачастую, без всякого анализа и попытки интерпретации (см., например, с. 89, 97, 129, 133, 144, 180 диссертационного исследования). Между тем, даже поверхностный анализ позволяет обнаружить противоречивый характер некоторых ответов респондентов (например, большинство судей высказалось одновременно «за» два явно противоречащих друг–другу предложения: за создание института следственного судьи (56,2 %) и за необходимость перераспределения контрольно-надзорной функции между судом прокурором в пользу последнего (53,1 %). Вызывает интерес результат анкетирования следователей, в ходе которого 12,7 % следователей указали, что обжаловали указания руководителя следственного отдела и 22,5 % следователей указали, что обжаловали указания прокурора. Однако эти данные просто воспроизведены в тексте работы, без сопровождения их анализом, интерпретацией, проверкой данных по другим источникам.

2. По некоторым вопросам, автор выражает одновременно позиции, которые, как представляется, противоречат друг другу, без объяснения их соотношения друг с другом, конкретизации, объяснения.

Например, на с. 59 работы автор утверждает, что в основе построения уголовного судопроизводства как части (подсистемы) правоохранительной системы государства должен лежать принцип разделения властей, не допускающий возложения на один орган различных по характеру функций, а также осуществления одной функции органами различных ветвей власти. Это положение, по мнению автора, должно найти отражение в разграничении уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, расследования, контроля и разрешения дела по существу. Между тем, далее, на с. 109 работы предлагается возложить на прокурора в уголовном досудебном производстве сразу три функции (автор указывает, что функций две, но ранее, на с. 90 работы

обоснованно утверждает, что их три). Согласно сформулированному в работе предложению, прокурор должен выполнять функции: 1) осуществления уголовного преследования; 2) процессуальное руководство предварительным расследованием по уголовным делам; 3) надзор за исполнением законов в ходе его производства.

Остается не вполне определенной и позиция автора относительно определения соотношения прокурорского и судебного контроля, соотношения полномочий следователя, прокурора и руководителя следственного органа. Так, на с. 81 работы он утверждает, что «институт судебного следователя остается эталоном высшего уровня правовой и даже политической культуры организации предварительного следствия и положения данного должностного лица как независимого и самостоятельного участника уголовного досудебного производства». На с. 82 фиксируется, что «правовое государство предполагает многоканальную систему контроля (надзора) законности и обоснованности уголовно-процессуальной деятельности при единственном условии: необходимо определить оптимальную схему взаимоотношений органа предварительного расследования и субъектов контроля (надзора)». На с. 87 работы утверждается, что «модель, институт и функция судебного контроля за законностью уголовного досудебного производства в современном уголовном процессе сформировались и состоялись в полной мере». При этом далее, на с. 88–89 диссертант поддерживает перераспределение контрольно-надзорной функции между судом и прокурором в пользу передачи части полномочий прокурору, причем рассматривает обоснование данного перераспределения в качестве проявления научной новизны диссертационного исследования (с 10 автореферата). На с. 109 диссертации при этом автор предлагает полностью подчинить следователя прокурору, передав последнему и функционал по осуществлению уголовного преследования и по осуществлению руководства деятельностью следователя. При этом руководитель следственного органа, по мнению автора, будет также (одновременно с прокурором?) осуществлять процессуальное руководство деятельностью следователей, а также «наблюдение» за деятельностью следователя без наличия полномочий по

отмене процессуальных актов следователя, принятию процессуальных решений. Такой формат взаимоотношений участников явно не предполагает существования независимого (тем более «судебного») следователя, исключает осуществление «многоканального контроля» и судебного контроля за предварительным расследованием, делая прокурора его единственным «хозяином». Вызывает большие сомнения и создание фигуры руководителя следственного органа, как своеобразного «процессуального шпиона», который наблюдает за деятельностью следователя, но не имеет возможности принимать никаких процессуальных решений по результатам такого наблюдения.

3. Предложенный автором подход к классификации субъектов уголовного судопроизводства, опирающийся на определение сущности и функционального назначения процессуального статуса субъекта, как представляется, не выдержан в работе до конца. В частности, при выделении четвертой группы – участники, процессуальный статус которых в разделе II УПК РФ, предложенные критерии классификации не применимы. К этой группе могут быть отнесены как участники, действующие для реализации собственного интереса, так и участники, выполняющие вспомогательные функции (лицо, участвующее в производстве осмотра места происшествия), а также участники – представители государства (помощник прокурора).

4. Представляется неоднозначным предложение о присвоении лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела лицо, статуса подозреваемого в уведомительном порядке (с. 132–133 работы). Безусловно, это позволит уточнить его правовое положение. Но нельзя забывать и о последствиях для лица (в том числе долгосрочных), наступающих в результате приобретения им статуса подозреваемого по уголовному делу. В. Н. Григорьев в своих работах (например, Григорьев В.Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4; Григорьев В. Н. Альтернативный правовой механизм обеспечения прав подозреваемого // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3 (21). С. 28–33) обоснованно подчеркивал, что

статус подозреваемого является препятствием для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, места жительства и свободы передвижения, получения почетных званий и других государственных наград и предлагал рассмотреть альтернативные варианты обеспечения его прав.

Формулируя такого рода предложения, нельзя не рассматривать альтернативные точки зрения, а также последствия предлагаемого решения для субъектов, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

5. Сложно безусловно согласиться и с предложением 8, выносимым автором на защиту, в котором он предлагает расширить свидетельский иммунитет, предоставив его всем лицам, которые в силу своих должностных обязанностей являются носителями какой-либо охраняемой законом тайны, распространив его на врачей, журналистов, нотариусов, лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам правопорядка, а также лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (положение 8, выносимое на защиту, с. 160–151 исследования). Признавая необходимость защиты охраняемых законом тайн, недопустимости произвольного преодоления обязанности лица хранить эту тайну, в зависимости от простого усмотрения следователя, представляется необходимым формирование менее однозначного, более взвешенного и сбалансированного подхода к решению данной проблемы, создание механизма, позволяющего преодолевать обязанность по сохранению данной тайны, на основе учета релевантных оснований, к которым могут быть отнесены, например, тяжесть обвинения, наличие/отсутствие других доказательств и др.

6. Соглашаясь с автором в части необходимости введения в УПК РФ специальной нормы, регламентирующей право каждого лица, вовлеченного в уголовный процесс на получение квалифицированной юридической помощи (с. 143 работы), нельзя не обратить внимание на то, что предлагаемые им законодательные изменения не соответствуют поставленной цели. Автор предлагает дополнить ст. 56 УПК РФ частью 41 следующего содержания: «41. Свидетелю гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе на услуги адвоката. Суд, прокурор,

следователь и дознаватель обязаны обеспечить реализацию данного права». В такой формулировке: 1) речь идет только о свидетеле, а не о любом участнике процесса; 2) речь идет не о праве свидетеля на получение квалифицированной юридической помощи, а об обязанности государства предоставить такую помощь каждому свидетелю, что очевидно нереализуемо.

Высказанные в отзыве замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования О. С. Морозовой.

Диссертация Ольги Сергеевны Морозовой представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития теории и практики уголовного судопроизводства. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе соискателя в науку. Предложенные соискателем решения аргументированы им и оценены по сравнению с другими известными решениями.

В автореферате диссертации отражены основные положения диссертации, изложены основные ее идеи и выводы, показан вклад автора в разработку избранной темы, степень новизны и значимости результатов исследования, обоснована его достоверность, а также структура работы. Содержание диссертации и автореферата соответствуют друг другу, автореферат передает основные результаты предпринятого исследования. Оформление текстов диссертации и автореферата соответствует предъявляемым требованиям.

Диссертационная работа «Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства» является законченным научно-исследовательским трудом, по содержанию и по форме отвечает требованиям для кандидатских диссертаций, установленных пунктами 9–11, 13–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор – Морозова Ольга Сергеевна –

заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Отзыв подготовлен доцентом кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кандидатом юридических наук (12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность), доцентом, Татьяной Владимировной Трубниковой (kafedra.ups@mail.ru; 634050, Томск, пр. Ленина,36; тел. (3822) 529662).

Отзыв на диссертацию Морозовой Ольги Сергеевны «Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства» обсужден и одобрен на заседании кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета 23 января 2025 г., протокол № 15.

Заведующий кафедрой уголовного процесса,
прокурорского надзора и правоохранительной
деятельности Национального исследовательского
Томского государственного университета,
доктор юридических наук
(12.00.09 – Уголовный процесс,
криминалистика и судебная экспертиза;
оперативно-розыскная деятельность),
доцент

Андреева Ольга Ивановна

23 января 2025 г.

Сведения об организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36, тел.: (3822) 52-98-52; <http://www.tsu.ru>; e-mail: rector@tsu.ru

Подпись удостоверяю
Заведующий документооборотом
Андреев И. В.